

УДК 82'04—97(081)

Евгений Джиджора

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

У статті проаналізовано основні проблеми, що виникають у сучасному літературознавстві під час укладання періодизацій давніх слов'янських літератур.

Ключові слова: *періодизація, давньослов'янські літератури.*

В статье рассматриваются основные проблемы, возникающие в современном литературоведении при составлении периодизаций древних славянских литератур.

Ключевые слова: *периодизация, древнеславянские литературы.*

The basic problems are rise in the modern literary criticism when compiling chronology of ancient Slavic literatures are analysed in the article.

Key words: *chronology, ancient Slavic literatures.*

В данной статье ставим перед собой задачу охарактеризовать основные проблемы при составлении периодизации древних славянских литератур.

Начнем с краткого экскурса в научное прошлое. На протяжении долгих лет в российской, а затем и советской медиевистике доминировал исторический подход, согласно которому развитие древних литератур определялось важнейшими этапами жизни восточных славян. Эту позицию так или иначе поддерживали Н. Гудзий, В. Кусков, Д. Лихачев. В этих работах обозначались такие периоды становления литературного процесса, как: литература Киевской Руси (XI — начала XII вв.), литература периода феодальной раздробленности (середина XII — начало XIII вв.), литература периода татаро-монгольского нашествия (начало XIII — конец XIV вв.), литература периода образования централизованного государства (конец XIV — начало XVI вв.), литература периода укрепления централизованного государства и перехода к Новому времени (конец XVI — XVII вв.) [13, 245–246; 7,

3–5; 12, 3–5]. Вполне очевидно, что при составлении данной периодизации учитывалось не изменение литературных особенностей произведений, а историческое развитие сначала Киевского княжества, а затем Московского царства.

Возможно, именно по этой причине Д. Лихачев стремился определить и собственно литературные черты данных периодов и для этого решил обратиться к очерченной ещё в начале XX в. академиком В. Перетцем теории «стилей эпох». В основу этой теории Д. Лихачев заложил представление о том, что у каждой эпохи есть свое «художественное лицо» — особое эстетическое воплощение, характерное для всех видов искусства. Исходя из этого, ученый выделяет стиль монументального историзма (XI–XIII вв.), эпический стиль (XI–XIII вв.), экспрессивно-эмоциональный стиль (конец XIV–XV вв.), стиль психологической умиротворенности (XV в.), стиль идеализирующего биографизма (XVI в.), нарочито будничного стиля демократической литературы (XVII в.), стиль патетического опрошения человека (XVII в.), стиль барокко (вторая половина XVI в.) [15, 89–91]. Такие формулировки свидетельствуют о том, что ученый придерживается идеи поступательного движения стилей, сменяющих друг друга тогда же, когда предшествующий период развития общества завершается и начинается следующий. В итоге, концепция «стилей эпох» тоже получилась обусловленной историческими факторами. При этом стоит отметить, что концепция «стилей эпох» Д. Лихачева оказала мощное эволюционное воздействие на медиевистику всего XX ст.

На современном этапе следование историческому подходу в большей или меньшей степени обнаруживается в трудах ряда ведущих украинских медиевистов. Скажем, П. Белоус считает, что в древней украинской литературе четко просматриваются два периода — средневековый (с XI до середины XVI ст.) и барочный (вторая половина XVI–XVIII ст.). В качестве критерия выделения периодов ученый называет не только исторические, но и мировоззренчески-эстетические особенности литературы. Так, в Средневековье наблюдается доминирование христианской идеологии, символично-аллегоричное воссоздание действительности, жанровая система, сформированная под воздействием византийской эстетики. А во времена Барокко в литературных произведениях активно развивается светское начало, расширяется тематика, изменяются жанрово-стилевые формы [5, 10–11].

Такой духовно-эстетический принцип истолкования литературного процесса позволяет несколько шире, чем строго при историческом подходе, проследить, как развивается собственно художественность древней литературы. Вместе с тем, остается открытым вопрос по поводу дробления эпохи Средневековья на более локальные периоды. Ведь хоть П. Белоус и различает раннее (XI — первая половина XIII ст.) и позднее (вторая половина XIII — первая половина XVI ст.) Средневековье, критерий изменения литературности памятников при этом, к сожалению, не указывает.

Схожую картину наблюдаем в исследованиях И. Исиченко. В обстоятельном и энциклопедически полном изучении эпохи Барокко в древнеукраинской литературе ученый выделяет три периода развития: ранний (первая треть XVII ст.), зрелый (30-е гг. XVII — начало XVIII ст.) и поздний (20-е гг. XVIII ст. — конец XVIII ст.) [10, 32–33].

В качестве критерия такого подразделения рассматриваются литературно-эстетические и общественно-культурные факторы. Ранний период, отдельные черты которого, по мнению И. Исиченко, можно наблюдать уже в конце XVI ст. в творчестве Герасима Смотрицкого [см.: 17], ознаменован становлением полемико-публицистических тенденций в литературе при интенсивном возрождении Киева как духовного и интеллектуального центра украинской культуры. В зрелый период происходит, с одной стороны, стремительное возвращение к средневековым клерикальным жанрам, а с другой стороны, заимствование поэтических и драматургических форм западноевропейской литературы при окончательном утверждении Киева как второго Иерусалима на берегах Днепра. Наконец, в поздний период обнаруживается некоторое сращивание официальной (книжной) и народной (устной) литературных традиций при осязаемом упадке общественной и, как следствие, культурной жизни на Левобережье Украины и непосредственно в Киеве [10, 33–39].

В данной периодизации общественно-культурные факторы не затеняют литературно-эстетические. Однако обоснованное так литературно-эстетическое наполнение периодов все равно выглядит как-то бледновато. Очевидно, кроме обнаружения родовых тенденций, выступающих на первый план в определенный исторический период, не хватает традиционных художественных категорий (жанрово-стилевого своеобразия, авторского сознания, идейно-тематического

содержания и др.), позволяющих точнее составить картину того состояния, в котором находится литература.

Рассмотрим теперь другой — тематический — подход к построению периодизации древних литератур. Тут, прежде всего, заслуживают внимания последние разработки одного из наиболее авторитетных современных медиевистов — российского ученого А. Демина.

В осмыслении развития древней русской литературы А. Демин предлагает использовать такую категорию, как «тип литературного творчества», подразумевая под ней синтез текстологических, идеологических, стилистических, поэтических, семантических и эстетических характеристик того или иного памятника. Ученый полагает, что по отношению к литературному творчеству Нового времени в древней русской литературе можно выделить архаическое литературное творчество (XI–XII вв.), традиционное литературное творчество (XIII–XVII вв.) и новаторское литературное творчество (XVII — первая половина XVIII вв.). При этом архаическим называется первоначальное на Руси творчество; традиционным — такое, которое перерабатывало традиции предшествующих культурных эпох; новаторским — творчество, показавшее склонность к «явственным новациям» [8, 9].

Исходя из заданного критерия — отношение к литературе Нового времени — можно согласиться с такими, пусть даже «весьма условными», как настаивает А. Демин, обозначениями. Однако данной периодизации не хватает некой внутренней автономности — в чем же тогда литературно-эстетическая специфика каждого периода, безотносительно литературы Нового времени? На каких особенностях литературного процесса отражается переход от архаики к традиционности и от традиционности к новаторству?

Частично на эти вопросы пытается ответить сам ученый. В одной из своих последних работ А. Демин рассматривает ряд «явлений поэтики» в древнерусских произведениях XI — середины XIV вв. (т. е. в периоды архаического и традиционного литературного творчества). Среди них: изобразительность, символика, сравнения, семантика перечислений, внешность человека [9, 13]. Таким образом, изучая изобразительно-выразительный состав памятников (от *Сказания о Борисе и Глебе* и *Слове о Законе и Благодати* до текстов *Куликовского цикла*), А. Демин показывает динамику изменения семантики древ-

них произведений в течение XI—XIV вв. Если эта работа будет продолжена, причем в двух направлениях — хронологическом и поэтологическом, — то мы получим значительно более полную характеристику литературных особенностей в обозначенные периоды и увидим закономерности перехода от архаики к традиционному творчеству, а от традиционного — к новаторскому.

Наблюдения за изменениями семантики произведений дают основание А. Демину считать, что древнерусские произведения нужно группировать не по векам, как это обычно делалось, а по темам: «Тематическое деление, пожалуй, было больше свойственно древнерусской книжности, чем хронологическое или узко жанровое» [11, 9].

Признавая приоритет тематического (и шире — герменевтического) анализа над историческим и даже жанровым, А. Демин, очевидно, не противоречит своему же представлению о трех видах литературного творчества, сменяющих друга друга в определенный момент. Наоборот, описывая одну из основных категорий поэтики древней литературы — идейно-тематическое содержание, ученый закладывает фундамент для дальнейшего, более масштабного, изучения указанных им периодов. Несомненно, в результате такого исследования можно будет говорить о доминировании тех или иных тем в период архаичного, традиционного и новаторского творчества в древнерусской литературе.

На настоящий момент, не конкретизируя по периодам, А. Демин выделяет в истории древнерусской литературы такую палитру сквозных тем: «Наибольший объем древнерусской литературы составили произведения исторические — на темы мировой истории, церковной истории и житийно-биографические. На втором месте стояли произведения, так сказать, обществоведческие — на темы нравственно-религиозные, церковно-устроительные, государственно-устроительные, житейско-мирские и приключенческие. Наконец, на третьем месте по совокупному объему находились произведения мироописательные — на темы космологические, географические и естествоведческие» [11, 9–10]. При этом исследователь подчеркивает, что во многих древнерусских произведениях могли сочетаться разные темы и поэтому данное распределение нельзя считать строго однозначным. Тем не менее, выведенная иерархия тем позволяет увидеть основные тенденции развития древней русской литературы.

Тематический подход к изучению литературы, отмеченный нами в работах А. Демина, безусловно, является довольно перспективным. В то же время, надо понимать, что идейно-тематический срез — лишь один из многочисленных аспектов изучения произведения, и поэтому получить на его основе полноценное представление о характере литературного процесса едва ли возможно. Однако в том, что это, как минимум, интересная альтернатива изжившим себя историческому и жанровому подходам, сомневаться не приходится.

Такой же альтернативный подход к изучению древнерусской литературы предлагает А. Ужанков. В одной из своих последних книг, отличающейся системностью и широтой охвата всего накопленного на сегодняшний день теоретического и исторического материала, ученый прямо заявляет о необходимости построения новой истории древнерусской литературы, настаивая на том, что «речь идет не просто о по-новому написанной истории русской литературы, разговор следует вести о её концептуально новой научной платформе» [19, 14].

Для теоретического обоснования новой истории древнерусской литературы А. Ужанков предлагает опираться на особое средневековое мировоззрение и художественный метод: «Совершенно очевидно, что без установления “художественного метода” русской средневековой литературы (и средневековой культуры в целом) и, прежде всего, его специфичности, невозможны общетеоретические труды, рассматривающие историю развития художественной изобразительности (или “художественных систем”) в литературе и культуре XI–XVII вв., не говоря уже о периодизации истории древнерусской литературы и изобразительного искусства, основанной не на социально-экономических явлениях и событиях, как практиковалось до недавнего времени (в учебниках по древнерусской литературе практикуется и донныне), а на выявленных объективных законах эволюции культуры и литературного процесса, связанных с эволюцией христианского мировоззрения и общественного и личного сознания» [19, 69].

Идею обусловленности художественного метода от мировоззрения в древней литературе А. Ужанков во многом заимствует у Л. Левшун, которая довольно обстоятельно разъясняет роль духовных воззрений в средневековом художественном творчестве. При этом А. Ужанков критично оценивает выведенные Л. Левшун методы (типологическую экзегезу, аллегорическую амплификацию и обратную

типологию), справедливо указывая на то, что это, скорее всего, художественные приемы [19, 67].

Сам же А. Ужанков полагает, что древнерусской литературе XI–XVII вв. был присущ особый «средневековый метод отражения-познания», основанный на христианском мировоззрении. И в становлении этого «иррационального» мировоззрения можно выделить пять стадий, каждая из которых «отличается от предыдущей и последующей как *способом познания* мироздания, так и господствующим синкретическим *методом познания и образного* (или литературного) *отражения* (выделено автором. — Е. Д.) действительности» [19, 80]. Какие же это стадии? Ученый определяет их так: мировосприятия (XI–XII вв.), мирозерцания (XIII — первая половина XIV в.), миропонимания (вторая половина XIV в. — до 90-х годов XV в.), миропостижения (с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в.) и миропредставления (от 40-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.) [19, 81].

Идея стадийного развития литературы, введенная в научный обиход, как известно, ещё Г. Пospelовым [см.: 18], в данном случае довольно интересно подкорректирована. А. Ужанков замечает, что поскольку именно мировоззрение непосредственно влияет на средневековый литературный процесс, то и выявлять нужно, прежде всего, этапы развития «иррационального» взгляда на мир. Становление же «иррационального» воззрения в Средние века происходит, по мнению ученого, следующим образом. В X–XI вв. восточные славяне «восприняли» в готовом виде христианскую концепцию мироздания такой, какой она была им представлена. Затем, в течение XIII — начала XIV вв., длился процесс «озерцания» и, как следствие, накопления определенных знаний о мире. Далее эти знания переросли в «понимание» некоторых закономерностей бытия (конец XIV–XV вв.), после чего в период открывшихся попыток рационального осмысления всего происходящего было предпринято самостоятельное «постижение» основ мироздания (с конца XV и до середины XVII вв.). Наконец, в результате такого рационального постижения изменилось «представление» человека об им же преображенном мире [19, 82].

Однако при всей кажущейся на первый взгляд концептуальной связности данного рассуждения не покидает ощущение, что А. Ужанков рассматривает взаимосвязанные звенья неразрывного процесса по отдельности, да ещё и в хронологическом порядке. А разве можно

выстраивать «восприятие», «созерцание», «понимание», «постижение» и «представление» в некую хронологическую линию? Разве это не имплицитные свойства одного целого?

Вместе с тем, далеко не так полемично выглядит ещё одно, заимствованное у Л. Левшун, утверждение о том, что в истории средневекового мировоззрения последовательно сменяются три вида сознания: теоцентрический, антропоцентрический и эгоцентрический [14, 75–77]. Каждый из этих видов образует свою литературную (и шире — культурную) формацию. Первая, теоцентричная, формация включает в себя литературные явления, возникшие в течение трех первых стадий становления средневекового христианского мировоззрения (в периодизации А. Ужанкова — с XI в. до конца XV в.). Вторая, антропоцентричная, формация содержит литературные явления, созданные в течение четвертой и пятой стадий (с конца XV в. до 40-х годов XVII в.). И третья, эгоцентричная, формация отражает переходной этап от литературы Средневековья к Новому времени (с 40-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.) [19, 85].

Надо признать, что в построении истории древнеславянских литератур концепция литературных формаций, обусловленных тем или иным видом художественного сознания, является довольно перспективной альтернативой историческому и жанрово-стилевому подходам. И все же современной литературоведческой медиевистике явно не хватает масштабно апробированного структурно-функционального подхода, который, на наш взгляд, больше других выявляет «литературность» как самого эстетического объекта, так и периода, в который он был создан.

Возможно, первые шаги в этом направлении сделаны в трудах одесского ученого А. Александрова. В своих последних работах исследователь пытается широко осмыслить и применить такие категории, как «тип творческого мышления» и «тип творчества» (в особых случаях указывая, что речь идет о вербальном творчестве в широком смысле). А. Александров утверждает: «Изучая литературный процесс не только как чередование эпох и художественно-эстетических сознаний, но и как эволюцию типов авторства и творческого мышления, а также свойственных им приемов артикуляции и синтеза, можно увидеть, что существуют разные исторические формы целостности произведения» [3, 212].

Разрабатывая категории «тип творческого мышления» и «тип творчества», А. Александров, надо полагать, следует (хотя и с существенными оговорками) традиции авторов «Исторической поэтики», предельно систематизировавших представления об изменении основных составляющих поэтики литературного произведения в исторической перспективе [1], а также развивает идеи С. Бройтмана о трех эпохах развития словесности [6]. В итоге, А. Александров приходит к серьёзным заключениям по поводу целостности произведения, позволяющим рассматривать её в качестве своего рода критерия выделения литературных периодов. Кроме того, понимание специфики целостности произведения помогает ученому дать четкую характеристику «субъектам созидания» средневекового текста, в частности обосновать взаимодействие Бога, автора и читателя [см.: 2 и 4]. Рискнем предположить, что категории «тип творческого мышления» и «тип творчества» в дальнейшем могут натолкнуть на глубокое изучение и других составляющих литературно-эстетического целого, которые, как и целостность, способны выступить не менее значимыми критериями для разделения древней литературы на отдельные периоды.

Думается, наиболее продуктивными в построении новой периодизации древних литератур являются наработки, позволяющие применить структурно-функциональный подход. Очевидно, именно системное, не упускающее ничего из виду, рассмотрение структуры произведения и четкое определение назначения её элементов позволяет различать как разные типы литературного (и шире — вербального) творчества в целом, так и периоды их становления в частности. Кроме того, анализ структуры дает возможность исследовать функциональную направленность того или иного текста. А установление конкретного предназначения средневековых произведений — это уже не узкий жанрово-тематический подход, это выход на более широкий уровень, на котором происходит систематизация по одному из самых главных в древних текстах признаков — литературной адресности, раскрывающей, в свою очередь, родовые отличия и генезис средневековой литературы и публицистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С. С.* Категории поэтики в смене литературных эпох / Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сб. статей / отв. ред. П. А. Гринцер. — М. : Наследие, 1994. — С. 3–38.
2. *Александров О. В.* Бог і автор / О. Александров // Література Київської Русі : Між міфопоетикою і християнським символізмом : [Статті. Монографія]. — Одеса : Астропринт, 2010. — С. 56–65.
3. *Александров А. В.* «Соборное» авторство как основа целостности христианского символического произведения / А. Александров // Серебряный век : Диалог культур : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции памяти проф. С. П. Ильева / отв. ред. Н. М. Раковская. — Одесса, 2012. — С. 212–221.
4. *Александров О. В.* Суб'єкти творення середньовічного літературного тексту / О. Александров // Література Київської Русі : Між міфопоетикою і християнським символізмом : [Статті, монографія]. — Одеса : Астропринт, 2010. — С. 66–73.
5. *Білоус П. В.* Історія української літератури XI–XVIII ст. : навч. посіб. / П. Білоус. — К. : Вид. центр «Академія», 2009. — 424 с.
6. *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика : учеб. пособие / С. Бройтман. — М. : Академия, 2001. — 320 с.
7. *Гудзий Н. К.* История древнерусской литературы / Н. Гудзий. — [7 изд.]. — М., 1966. — 233 с.
8. *Демин А. С.* Древнерусская литература : Опыт типологии с XI по середину XVIII вв. от Иллариона до Ломоносова / А. Демин ; отв. ред. В. Гребенюк. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 760 с.
9. *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.) / А. Демин ; отв. ред. В. Гребенюк. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 408 с.
10. *Ісіченко Ігор*, архієпископ. Історія української літератури : епоха Бароко (XVII–XVIII ст.) : [навч. посіб. для студентів вищих навчальних закладів] / І. Ісіченко. — Л., К.; Харків : Святогорець, 2011. — 567 с.
11. История древнерусской литературы. Аналитическое пособие / отв. ред. А. Демин. — М. : Языки славянской культуры, 2008. — 820 с.
12. История русской литературы / под ред. Д. Лихачева. — М. : Просвещение, 1980. — 462 с.
13. *Кусков В. В.* История древнерусской литературы / В. Кусков. — [3 изд.]. — М., 1977. — 248 с.
14. *Левшун Л. В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. / Л. Левшун. — Минск : Экрномпресс, 2001. — 353 с.

15. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси / Д. Лихачев. — [2-е изд.]. — М., 1970. — 180 с.
16. *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы / В. Перетц. — П-д, 1922. — 164 с.
17. *Поплавська Н. М.* Полемісти. Риторика. Переконування (Українська полемічно-публіцистична проза кінця XVI — початку XVII ст.) / Н. Поплавська. — Тернопіль : ТНПУ, 2007. — 379 с.
18. *Поспелов Г. Н.* Стадиальное развитие европейских литератур / Г. Поспелов. — М. : Просвещение, 1988. — 347 с.
19. *Ужанков А. Н.* О специфике развития русской литературы XI — первой трети XVIII века : Стадии и формации / А. Ужанков. — М. : Языки славянской культуры, 2009. — 264 с.

Получена 24.01.2013